

Предисловие

Перед вами сборник белорусских мифологических рассказов (быличек и поверий), записанных в конце XIX — первой трети XX века. В отличие от описаний низшей мифологии, сделанных исследователями народной культуры* и так или иначе отражающих взгляд стороннего наблюдателя, эта книга представляет точку зрения тех, кто более чем сто лет назад сам являлся носителем мифологического знания, — белорусских крестьян. Их рассказы об упырях и волколаках, русалках и черте, заклятых кладах и цветущем на Ивана Купалу папоротнике, к счастью для нас, были собраны белорусскими, русскими, польскими этнографами и опубликованы в изданиях, в основном известных сейчас только узкому кругу фольклористов. Сборник, который вы держите в руках, возвращает широкому кругу читателей целый пласт ценных материалов, раскрывающих картину белорусской мифологии со всеми ее особенностями от последних десятилетий XIX века до 30-х годов XX столетия.

Эти особенности касаются как состава мифологических персонажей, так и различий в сюжетах и мотивах, связанных с этими образами в разных белорусских областях. Будучи частью восточнославянской традиции, белорусская мифология при этом обладает индивидуальными чертами, «лица необщим выраженьем» (слова Е. Баратынского). В первую очередь нужно вспомнить о том, что белорусская традиция отнюдь не однородна. Если мифологические представления восточных областей страны, соседствующих с русской традицией, по составу персонажей и связанных с ними поверий

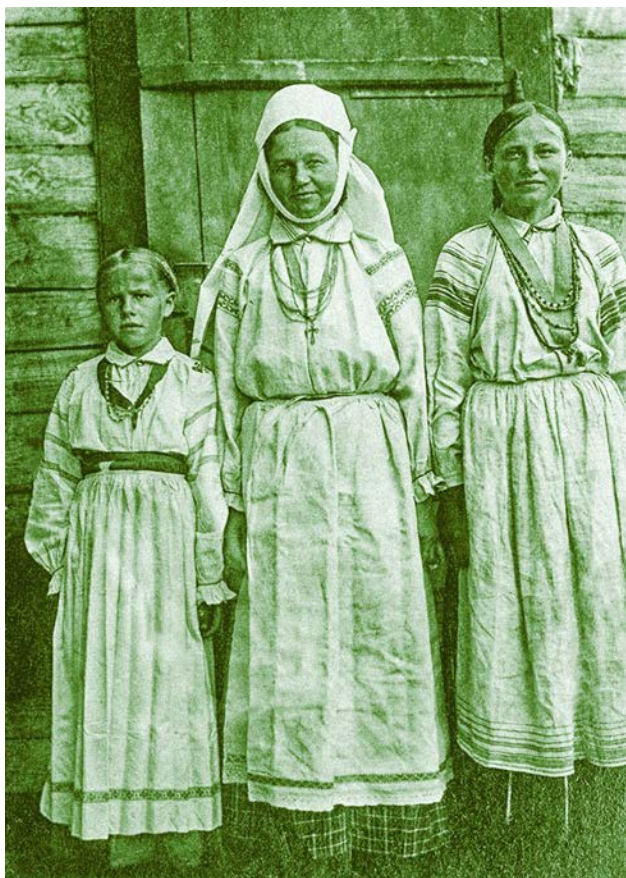
* См., например: Левкиевская Е. Е. Белорусские мифы. От Мары и домашнего ужа до волколака и Злыдни. М. : МИФ, 2024. *Здесь и далее прим. авт.*

достаточно близки русской мифологической системе, то на западе, а особенно на юго-западе белорусских земель, где народная культура формировалась под сильным влиянием польской мифологии и отчасти католической идеологии, они отличаются. Это, в частности, можно наблюдать на примере западно-белорусских представлений о ходячем покойнике, которые, помимо общих для всех восточных славян связанных с ним мотивов, включают в себя специфические польские поверья о покутниках — душах умерших, избывающих на земле покуту (временное наказание за грехи, после которого они смогут подняться на небо). Кроме того, в западных и центральных частях страны практически отсутствует привычная для русской традиции система духов-хозяев домашних и природных пространств: домовых, банников, леших, водяных и прочих (быличек, связанных с подобными персонажами, совсем немного). Всех этих существ практически единолично замещает черт — пожалуй, самая важная и распространенная фигура в белорусской мифологии. Об этой ее особенности упоминал еще в середине XX века известный польский исследователь славянской народной традиции Казимир Мошиньский (Kazimierz Moszyński), подробно описавший мифологию Белорусского Полесья: «Можно смело сказать, что в народной религии полешука* лишь две разновидности мифических существ — настоящему чего-то стоят, а именно: это неисчислимое множество чертей и бог-громовник, стреляющий молниями в эту злокозненную, но глуповатую бесовскую рать»**.

Описанный К. Мошиньским бог-громовник в белорусских этиологических легендах лишь частично напоминает христианского Бога-Творца, поскольку в его образе присутствуют

* *Полешук* — житель Полесья. Полешукам приписывалось знание колдовства.

** Moszyński K. *Kultura ludowa Słowian*. Warszawa, 1967. T. 2. Cz. 1. *Kultura duchowa*. S. 702.

Марья Поликарпчук с детьми. Местечко Любешов Пинского уезда.
Фотограф И. Сербов, 1912 г.

важные архаические черты праславянской эпохи, которые лучше всего сохранились именно в белорусской традиции. Речь идет о сюжете, объясняющем гром и молнию как противостояние Бога (иногда святого Ильи) и черта: последний укрывается под разными живыми тварями (под человеком, лошастью, коровой) и природными объектами (под деревом,

камнем, в воде под корягой), а Бог посылает в него свои огненные стрелы-молнии и в конце концов убивает. Некоторые исследователи даже видели в этой легенде один из древнейших мифологических сюжетов, восходящий к праславянскому периоду: о борьбе громовержца Перуна с его демоническим противником Велесом. Нужно заметить, что это только гипотеза, которая нуждается в более убедительных доказательствах. Однако это не отменяет древности и своеобразия тех сюжетов, которые содержатся в белорусской мифологии.

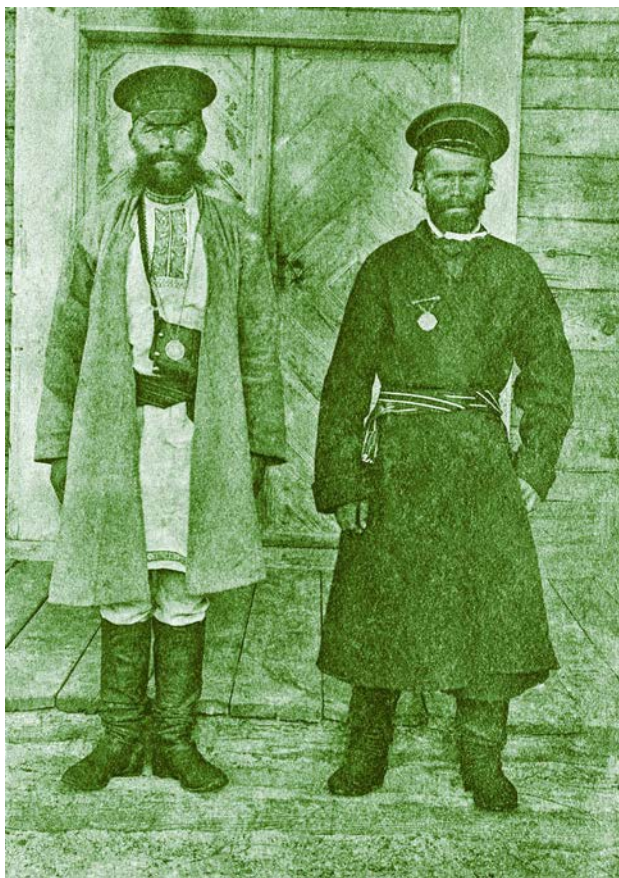
Чем же для нас интересны былички и легенды, записанные сто, а то и сто пятьдесят лет назад? Во-первых, они отражают более ранний и, если так можно выразиться, «естественный» этап развития белорусской традиции, еще не искаженной влиянием кинофильмов, телевидения и средств массовой информации в целом. Сегодня исследователи-фольклористы замечают, что современные медийные квазимифологические образы вампиров, драконов, ведьм, русалок, а также всевозможные сведения об экстрасенсах, астрологах, инопланетянах и прочих значительно влияют на традиционную культуру, в результате чего народные мифологические образы постепенно утрачивают изначально присущие им мотивы и сюжеты и приобретают черты, заимствованные из медиасреды. Во-вторых, сравнивая записи фольклористов прошлых эпох с материалами современных фольклорных экспедиций, мы имеем возможность проследить изменения, произошедшие в белорусской мифологической традиции в течение целого столетия.

Говоря о значимости публикуемых здесь записей более чем столетней давности, мы должны хотя бы в нескольких словах рассказать о той эпохе, в которую они были сделаны. Рубеж XIX–XX веков стал временем активного накопления знаний в области славянского фольклора и мифологии. Вместо пренебрежительного отношения к народным верованиям как к вредным «суевериям» отсталых, неграмотных крестьян, столь

характерного для XVIII столетия, XIX век принес принципиально иной взгляд на традиционную культуру. К ней стали относиться уважительно и видеть в ней ценные свидетельства архаических представлений народа об окружающем мире, свидетельствующие о его древних обычаях, особенностях образа жизни, путях формирования национального характера. Необходимость систематически записывать образцы фольклора, полученные от его непосредственных носителей — крестьян, — была осознана уже в 40-х годах XIX века, но только в его последние десятилетия пришло понимание, как это нужно делать правильно, чтобы максимально точно передавать слова рассказчиков. Еще в середине XIX века этнографы (по большей части это были любители, не получившие специального образования), собиравшие фольклорные материалы среди крестьян, достаточно вольно передавали их рассказы, нередко искажая народные представления или приписывая им собственные трактовки. Во многом так получалось из-за отсутствия каких-либо технических средств записи — ведь в те времена еще не было не только магнитофонов (или хотя бы граммофонов), но даже и авторучек, с помощью которых можно долго писать, не отрывая пера от бумаги. Собиратели были вынуждены сначала запоминать рассказанную им информацию, а потом записывать ее своими словами. Только к концу столетия исследователи традиционной культуры стали уделять особое внимание достоверности собранного материала и его аутентичности. Так постепенно родилось понимание, что фольклорные тексты нужно не просто пересказывать, а фиксировать максимально близко к рассказу носителя традиции на его родном языке, а также указывать место, где происходила запись, хотя бы с точностью до волости или уезда и, если повезет, фамилию рассказчика. Такой подход к собиранию фольклора уже был очень близок к современным научным принципам, принятым в фольклористике.

Таким образом, на рубеже XIX–XX веков были опубликованы первые крупные собрания мифологических рассказов: быличек и поверий, которые отражали особенности мышления и языка самих рассказчиков — носителей народной традиции (преимущественно крестьян, реже мещан). Впрочем, с фиксацией особенностей языка не все шло гладко — ведь по большей части собиратели фольклора того времени не были профессиональными лингвистами и диалектологами. В основном это были представители сельской интеллигенции: учителя, врачи, священники, управляющие помещичьих хозяйств, а иногда и сами помещики. Местный диалект, на котором говорили их собеседники-крестьяне, они передавали как умели, иногда просто переводя его на литературный русский язык. В то время еще не были выработаны единообразные правила записи фольклорных текстов и единая система передачи диалектных особенностей речи рассказчика, поэтому многие собиратели публиковали рассказы на русском языке и передавали таким образом только смысл оригинального текста, лишь в отдельных его фрагментах сохраняя лексику и фонетику белорусских говоров. Так, например, поступали Евгений Александрович Ляцкий (1868–1942), Павел Петрович Демидович (1871–1931), Николай Яковлевич Никифоровский (1845–1910), Юлиан Фомич Крачковский (1840–1903), Александр Казимирович Сержпутовский (1864–1940), Евдоким Романович Романов (1855–1922), оставившие нам подробные описания мифологических верований из центральных и восточных регионов страны (преимущественно из Минской, Могилевской и Витебской губерний). Многие их записи вошли в этот сборник. Кроме того, в него включена часть материала из обширнейшего трехтомного собрания белорусской традиционной культуры, составленного Павлом Васильевичем Шейном (1826–1900), респонденты которого записывали фольклор в разных частях белорусской земли — от Витебской губернии на востоке до Гродненской губернии на западе.

Старшина Хвэдор Крупэнич и староста Кондрат Кононович.
Село Хотыничи Пинского уезда. Фото И. Сербова, 1912 г.

Среди собирателей белорусского фольклора были и польские этнографы-любители: прекрасный знаток Речицкого Полесья Чеслав Петкевич (Czesław Pietkiewicz, 1856–1936) и столь же дотошный исследователь традиции западных уездов Гродненской губернии, в которой он прожил многие годы, Михаил Федеровский (Michał Federowski, 1853–1923). Федеровский

оставил после себя колоссальный корпус текстов, записанных им с 1877 по 1905 год и собранных в восемь томов сочинения Lud białoruski na Rusi Litewskiej большая часть которых была опубликована уже после его смерти. К сожалению, богатейший свод сведений, оставленных этими собирателями, в нашей стране известен лишь узкому кругу славистов, поскольку Федеровский и Петкевич записывали тексты хотя и на белорусских диалектах, но в латинской транскрипции, слишком сложной для неспециалистов, а этнографические комментарии к текстам, разумеется, сделали по-польски. Мы ставили своей задачей хотя бы частично познакомить широкий круг читателей с наследием этих двух замечательных этнографов, поэтому включили в наш сборник наиболее интересные былички и поверья из их собраний, переведенные на русский язык.

Отбирая материалы для настоящего издания, мы стремились публиковать такие тексты (былички и поверья), которые в максимальной степени отвечают принципам автохтонности материала, сохраняют целостность сюжета, особенности изложения самих рассказчиков-крестьян и не слишком подверглись обработке собирателей. Именно по этой причине среди источников, составивших основу этого сборника, отсутствует знаменательный труд Николая Яковлевича Никифоровского «Нечистики. Свод простонародных в Витебской Белоруссии сказаний о нечистой силе», изданный в Вильне* в 1907 году. Нет сомнений в том, что Никифоровский, происходя из семьи витебских крестьян и сам будучи носителем местной традиции, прекрасно знал витебскую мифологию и вполне точно ее описал. Однако его книга представляет собой не строгое этнографическое изложение материалов, а скорее вольное беллетристическое описание витебских нечистиков, выполненное в едином и довольно романтическом авторском стиле.

---

* *Вильна* — устаревшее название Вильнюса, столицы Литвы.

**Почитать описание и заказать
в МИФе**

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Взрослые книги:

